

Инуань), японскими (К. Танака), венгерскими (Л. Лигети, Д. Кара, Л. Лёринц), немецкими (В. Хайсиг) и другими учеными. Наконец, автор весьма полно использует собственный экспедиционный материал: восточномонгольские песни о Гесере, записанные им в 70-е годы во время фольклорных экспедиций в Монголию⁷. Включение в научный оборот этих уникальных текстов позволяет не только значительно полнее осветить картину устного бытования эпоса о Гесере в Центральной Азии, но и составить более основательно суждение о восточномонгольских эпических традициях, о которых до недавнего времени не было никаких данных.

В заключение следует остановиться еще на одной стороне рецензируемой книги. В ней, также впервые в монголоведении, полно рассмотрена исполнительская манера и форма эпических произведений в различных повествовательно-фольклорных традициях, с привлечением многочисленных тюркских и тунгусских параллелей. Более того, подмеченное сходство «лейтмотивной структуры» исполнения некоторых прозопоэтических повествований позволило С. Ю. Неклюдову выдвинуть интересную гипотезу о родстве традиций хори-бурятского эпоса с восточномонгольскими «книжными сказами» (*бэнсэн улигэр*)⁸, с одной стороны, и с эпическими повествованиями якутов и эвенков — с другой. Это проясняет некоторые аспекты истории фольклора в данном регионе.

Выше была затронута лишь часть проблем, освещенных в книге. Так, мы не касались глав, в которых рассматриваются центральные образы эпоса и связанная с ними эпическая мифология, лишь вскользь упомянули о тех, где говорится о формировании и трансформации литературно-эпических жанров в монгольской словесности эпохи средневековья и нового времени. Скажем лишь, что освещение этих вопросов уместно, своевременно и полно. Однако, подчеркнем еще раз, наибольшую научную значимость имеет многоаспектное исследование эпоса о Гесере.

Н. Л. Жуковская

⁷ Неклюдов С. Ю., Тумурцерен Ж. Указ. раб.; Nekljudov S. Yu., Tömörceren Z. Mongolische Erzählungen über Geser. Neue Aufzeichnungen. Weisbaden, 1985.

⁸ См. о них: Рифтин Б. Л., Цэрэнсодном Д. Жанр бэнсэн улигэр и проблема литературно-фольклорных взаимосвязей. — В сб.: Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 280—314.

А. К. Байбурин. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.

Жилище — не только важнейшее условие жизни человека. Конденсируя в себе большую долю его созидательных усилий, оно становится многозначным символом в жизни людей. Как изучать роль жилища, выходящую за пределы утилитарной функции? На современном этапе в мировой литературе мы еще не находим четко сформулированных принципов подхода к этой теме. Пока лишь ясно, что один из возможных путей к ней пролегает через область обрядов, верований, восприятий и реакций создателей жилища на существующие пространственные структуры.

Нельзя сказать, что этнографы обходят вниманием связанные с жилищем обряды и верования. Но в советской литературе книга А. К. Байбурина должна занять, пожалуй, исключительное место: это первое монографическое исследование сложнейших вопросов отношения человека к жилищу у восточнославянских народов.

Уже в названии работы отражено ее деление на две части. Первая — посвящена строительной обрядности восточных славян, вторая — структуре жилища, формирующей то или иное поведение, иначе говоря, семиотическим аспектам внутреннего пространства жилища.

Обеим частям, каждая из которых включает по три главы, предпослан общий вводный раздел «Предварительные замечания» (с. 3—24), в котором обоснованы общие установки, цели и методы исследования. Автор ставит задачу рассмотреть жилище как феномен культуры (с. 4) и формулирует основные положения, в соответствии с которыми раскрывается его замысел: 1) картина мира — смысловая парадигма, которой руководствуются члены коллектива в своей деятельности; она же — функция самосознания; 2) обряд — средство контроля традиции; 3) логически разведены «вещность» и «знаковость», причем последняя трактуется как «семиотический статус вещей»; автор утверждает и подробно развивает положение о том, что семиотический статус жилища на ранних этапах истории был существенно выше, чем в современности; 4) образ дома трактуется как эталон («перводом»), инвариантная универсальная схема жилища, наиболее аутентично отраженная в строительной обрядности; технологии автор отводит второстепенную роль, поскольку она «сравнительно поздно выделилась в самостоятельную область» (с. 159); 5) жилище — это освоенное пространство, классификационно выделенное из природы и вписанное в культуру, 6) автор предлагает два пути подхода к исследованию жилища: а) как к тексту, говорящему о «социальных, религиозных, хозяйственных и других аспектах жизни коллектива» (с. 19), б) как к образу, который выявляется по данным языка, обрядов, фольклора и мифологии («метатекстам»).

во введении особобактеризуется также фактологическая база исследования. Общая цель сформулирована А. К. Байбуриным как необходимость «получить целостное представление о функционировании объективированных элементов культуры», которое «невозможно без изучения их места в картине мира, без учета того содержания, которое приписывалось им в разные времена и у разных народов» (с. 3).

Основная цель, относящаяся к непосредственному предмету исследований, заключается в попытке «выявить принципы функционирования механизма освоения окружающей среды» (с. 3) и «выяснить особенности символической организации (везде курсив автора. — Я. Ч.) внутреннего пространства традиционного восточнославянского жилища, знаковую роль отдельных его частей» (с. 4).

Изложенная концепция представляет собой по существу исследовательскую программу. Не все формулировки этой программы представляются достаточно удачными. Разумеется, автор не считает, что можно получить целостное представление о функционировании жилища без обращения к его хозяйственным функциям и изучению строительно-технологических проблем. Очевидно, он не уделяет этим вопросам должного внимания ввиду того, что они неплохо раскрыты в трудах его предшественников.

Говоря о механизме освоения среды, А. К. Байбурин решает вопросы, связанные не с экологической, а с пространственной средой. Структура жилища, формирующая поведение, раскрывается не только в представлениях народа, но и в формах реальной деятельности. Спорные формулировки, о которых речь пойдет далее, не снижают ни ценности общего подхода к сложнейшей теме, ни общих результатов работы. При всей композиционной простоте это — сложное исследование, которое обретает убедительность, если читатель потрудится пройти вслед за автором весь путь исследования. Книга написана как будто по дедуктивной схеме: есть развернутые «Предварительные замечания», излагающие общие исходные посылки, далее следует анализ единичных объектов, что делает необязательным привычное заключение. Но в тексте автор развешивает все богатство наблюдаемых эмпирических закономерностей, индуцируя тем самым ряд доказательных обобщений. Исследователь имеет дело сразу с несколькими сложными системами. Назовем из них наиболее важные для данного случая: 1) цели и идеалы создателей культуры, 2) их поведение как потребителей этой культуры, 3) установившиеся, гипотезированные формы культуры, подверженные действию традиций и инноваций. Интересы автора сосредоточены на первых двух пунктах.

Если относиться к исследованию А. К. Байбурина с максимальной строгостью (а оно выдерживает такое отношение), то наиболее уязвимо в его концепции, видимо, понимание того этнокультурного уровня, на котором ведется анализ. В книге в наибольшей степени использован русский материал, затем белорусский, в наименьшей — украинский. В славистике в последние два десятилетия ведется интенсивная работа по реконструкции исторических состояний культуры для общностей разного порядка. И хотя А. К. Байбурин специально этой теме не касается, он, судя по названию книги, исходит из убеждения в единстве восточнославянского жилища и его строительной обрядности. Но правомерно ли при этом уходить от обсуждения генетико-типологических проблем? Не касаясь пока чисто познавательных возможностей сравнительно-типологического метода, отметим, что читатель не видит критерия, согласно которому автор довольно часто привлекает материал по жилищу соседних с восточнославянскими народами.

Единство восточных славян, проявляющееся во многих сферах культуры, — неоспоримо. Оно базируется на общности этногенетических компонентов и исторических судеб, наложивших особый отпечаток на многие стороны духовной культуры восточнославянских народов. Нам важно здесь отметить общность представлений о жизни и смерти, о месте человека в мире. Естественно, это единство должно было так или иначе сказаться и на отношении к жилищу как к сцене, на которой разыгрывается вся жизненная драма человека.

Однако такого единства нет в конструктивно-технологическом аспекте восточнославянских жилищ. Они различным способом соотносятся с экологической средой, по-разному решаются конструктивные и объемно-пространственные проблемы; неодинакова роль различных жилищ в выполнении хозяйственных и утилитарно-бытовых функций. Поэтому неудивительно, что строительная обрядность восточнославянских народов, связанная с технологией, неодинакова. Зато мы можем ожидать большей общности в структурировании и использовании жилого пространства.

Не случайно, вторая часть названа автором «Семиотические аспекты внутреннего пространства восточнославянского жилища», а первая — просто «Строительная обрядность восточных славян». Скажем здесь еще несколько слов именно о второй части. Она написана с вниманием к тем ценностным ориентациям, которые особенно важны в переломные моменты ритуального сценария жизни человека. Здесь автор смог со всей полнотой показать достоинства этносемиотического подхода к исследованию. Небольшая первая глава этой части о типологии внутренней планировки дома представляет определенный вклад в еще во многом не ясную археологам и этнографам проблему эволюции типов внутреннего членения восточнославянских жилищ. Автор говорит о значении структурообразующего фактора — диагонали между передним углом и печью. Две другие главы второй части, посвященные соответственно семиотике горизонтального плана и вертикальных уровней жилища, также весьма интересны. Важные элементы жилища (двери и окна, матица, красный угол, печь и печной угол, крыша, пол и потолок) рассмотрены под углом зрения их функции как границы, изолирующей и защищающей жизнь обитателей от внешнего мира.

К строительной же обрядности с полным правом можно отнести характеристику

В. Тэрнером действия символических категорий, которые проявляют себя «в оболочке, принявшей форму жизненного опыта»¹. Несомненно, основу этого опыта составляет опыт производственно-трудовой. Что касается жилища, то здесь важна эволюция строительных навыков, преобразующих «природное» в «культурное» в сфере жилища.

В культуре многих народов жилище символически связано с жизнью человека, не только с геометрией его тела, но и с процессом его жизнедеятельности. Для земледельческих культур восточных славян характерно олицетворение жизни человека в жизни зерна. Это проявляется, например, в зарывании посевов (с. 182).

Тема зерна ритмично повторяется на всем протяжении строительства, начиная с гадания о подходящем участке, до разбрасывания семян севцом с черепного венца (с. 83). Обычай бросать горшок с кашей с матицы частично несет ту же семантику. Эта тема (мифологема зерна) в других культурах может развиваться в ином контексте. Так, у этрусков и римлян она была приурочена к основанию города. Мы имеем в виду сооружавшийся при соответствующем обряде мундус — сводчатую круглую яму («небо»), в которую помещали землю с полей. Первоначально мундус служил подземным амбаром — жертвенником, куда сыпали зерно во время исполнения обряда, посвященного Церере. Мундус воспринимался и как вход в царство мертвых².

Роль зерна в народных представлениях восточных славян и в их строительном обряде подчеркивает идею неотделимости жилища от хлебного поля. Украинская молитва о семейном благополучии во время строительства содержит слова «щоб у поли хліб родив, а на сим дворі щоб Господь скотину плодыв»³.

Бросание зерна или каши с матицы — технологически поздней детали жилища (древнее жилище было беспотолочным) — объясняется в данном случае аграрно-магической обрядностью восточных славян.

Важнейшее значение для изучения символического поведения имеет вопрос о спальных местах (в том числе о месте первой брачной ночи молодоженов), обойденный А. К. Байбуриным. Правило спать старикам на печи, а молодежи на полу или колодниках элементарно для восточнославянского жилища. Ассоциация верхних уровней жилища — крыши и потолка — со смертью широко представлена в разных культурах. У русских бытовало представление, что если палку, которой меряли гроб, подсунить под крышу чужого дома, то там появится покойник⁴. Напротив, нижний уровень жилища предназначался для молодежи⁵.

Ритуальной выраженности принципа, по которому нижний уровень ассоциирован с жизнью, а верхний — со смертью, способствовала конструктивная история восточнославянского жилища. Его исходные формы — углубленные в землю землянки и полуземлянки. Но эволюция от углубленного к наземному жилищу отнюдь не была прямой. Так наземный срубный дом на территориях к западу от Днепра в X—XI вв. был вытеснен полуземлянкой⁶.

Позже, в XII—XIII вв., когда наземный сруб утверждается повсюду, в Киеве сохраняются полуземлянки, что озадачивает специалиста-археолога⁷. Славянская приверженность к полуземлянкам отмечена и в древнем Суздале. Обитавшие рядом меря имели наземные бревенчатые дома⁸. Полуземлянки на территории Рязанской, Воронежской и Костромской областей сохранялись вплоть до XVII в.⁹

Предложенная историческая реконструкция восточнославянского жилища не дает возможности объяснить обряд укладки матрицы (центральный в строительном цикле). И как бы ни были важны подчеркиваемые А. К. Байбуриным атрибуты матицы как Мирового дерева — с. 85—87 (развитие точки зрения Д. К. Зеленина), смысл обрядов раскрывается только при параллельном рассмотрении технологической истории жилища и типичных для земледельческого общества ассоциаций жизни человека с зерном. Матичный обряд с сеянием зерна донес это древнее представление, связанное с бытованием в прошлом углубленного жилища.

Мы рассмотрели некоторые моменты строительной обрядности в русле производственно-технологических традиций, переводящих «природу» в «культуру». Но в понятие жизненного опыта мы должны еще включить все, что связано с воспроизводством самого человека. Жилище создает условия для осуществления биологических функций — восстановления сил и воспроизводства. С точки зрения общинно-групповых институтов (сфера «культуры») в биологически-парной связи совершается природный

¹ Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983, с. 135.

² Тимофеева Н. К. Религиозно-магическая картина этрусков. Новосибирск, 1980, с. 84.

³ Милорадович В. Житие-бытие лубенского крестьянина. — Киевская старина, 1902, т. 77, вып. VI, с. 114.

⁴ Зеленин Д. К. Описание рукописей архивов. — Записки ИРГО, 1914, т. 1, вып. 1, с. 295.

⁵ Zelenin D. Russische (ostslavische) Volkskunde. B., 1927.

⁶ Рампопорт П. А. Древнерусское жилище (Археология СССР. Е 1-32). Л., 1975, с. 119, 125.

⁷ Там же, с. 153.

⁸ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — Матер. по истории и археологии, 1961, № 94.

⁹ Бломквист Е. Э. Материалы по истории жилищ придонских районов Воронежской области. — Сов. этнография, 1934, № 5, с. 50.

акт, т. е. возврат к сфере «природы». Таким образом, строительство жилища — укрытия для брачно-семейной жизни — процесс не с одним вектором (от природы к культуре), а с двумя (и от культуры к природе). К сожалению, в мировой литературе, в том числе и в книге А. К. Байбурина, обходится стороной этот важнейший аспект — культурное обеспечение биологически-природных процессов.

В силу сказанного ритуал не только, как считает А. К. Байбурин, обеспечивает связи между организацией жизни коллектива и космическим порядком (с. 25). Это не только коммуникация с сакральным, но и одновременно коммуникация с профанно-земным, необходимым биологически.

Автор отмечает перекодировку между человеческим телом, деталями дома и космосом (с. 11, 16). Но это явление, широко представленное в разных традициях, для восточнославянской не столь характерно. Очевидно, оно соотносится с восприятием дома как обители смерти¹⁰. Видимо, всемирно распространено явление, близкое к комплексу «строительной жертвы». Строительство жилища оформляется ритуально-мифологически образом смерти. Слишком просто было бы здесь увязать только семиотическую перекодировку с обратным знаком. Речь должна идти прежде всего об осмыслении перехода от культуры к природе в биологических категориях. Мы снова возвращаемся к теме о захороненном и проросшем зерне. Не отрицая наличия семиотических универсалий в строительной обрядности, мы хотим подчеркнуть значение форм жизненного опыта восточных славян — исконных земледельцев. Этот опыт специфичен, как и у других народов.

Сравнительно небольшая по объему книга А. К. Байбурина — не просто шаг вперед, связанный с разработкой проблем символики восточнославянского жилища. Это одна из тех книг, которая побуждает к размышлению о широких культурных процессах. Можно сказать, что интересы нашей науки требуют подобных исследований по жилищам других народов.

Я. В. Чеснов

¹⁰ Завойко Г. К. Вера, обряды и обычаи великоруссов Владимирской губ. — Этнографическое обозрение, 1914, кн. 103, вып. 3—4, с. 83; Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978, с. 465—466.

НАРОДЫ СССР

Г. С. Маслова. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.

Вышел в свет очередной труд крупного специалиста по одежде славянских народов Г. С. Масловой. Одежда, как известно, тесно связана с духовной жизнью народа, его обрядами и обычаями и кроме своего основного предназначения — предохранять человека от неблагоприятных воздействий внешней среды — имеет множество других функций: этно-, поло-, социально-разделительную, эстетическую и др.

Изучение обычаев, обрядов и различных атрибутов обрядовых действий, в том числе и одежды, — одна из важнейших проблем этнографической науки. Оно позволяет решать вопросы, связанные с историей формирования и развития народов, проследить культурно-бытовые связи и взаимовлияния, выявлять этнические и региональные различия. Вместе с тем исследование обычаев и обрядов имеет и большое практическое значение, так как дает возможность отбирать из богатейшего наследства, доставшегося нам от прошлого, все ценное и полезное и в новом качественном оформлении вводить в нашу современную жизнь.

Литература о семейной, особенно свадебной, обрядности русских, украинцев и белорусов исключительно велика. Описанию отдельных обрядов и используемой при этом одежды, а также других атрибутов обрядности посвящены многочисленные статьи, заметки и монографии XIX — начала XX в. Г. С. Маслова закономерно разделила всю этнографическую литературу на три периода: первая половина XIX в., вторая половина XIX — начало XX в. и советский период. Основные работы по всем трем периодам использованы в монографии весьма полно. В научный оборот введены также многочисленные архивные материалы. Несмотря на обилие литературы по семейным обрядам, специальных обобщающих трудов о роли народной одежды в обрядовой жизни всех восточнославянских народов по существу нет. Книга Г. С. Масловой — первый опыт подобного обобщения — заполняет существенный пробел в этнографических знаниях о роли народного костюма в духовной жизни восточнославянских народов. В ней весьма обстоятельно охарактеризована роль одежды в свадебных, погребальных и родильных обрядах, а также в календарных и некалендарных обычаях и обрядах; показаны некоторые тенденции развития обрядовой жизни и роли одежды в обрядах в советский период. Очень ценной является библиография (более 300 названий), где представлены практически все работы по данному вопросу как дореволюционных, так и советских авторов.

На основании анализа огромного материала Г. С. Маслова показала, что одежда, выполняя экономические, социальные, эстетические и другие функции, в обрядах приобретает и магическое значение. Так, в главе, посвященной роли одежды в свадебных